

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН

Мифомания

Евгений Всеволодович Головин

Мифомания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64368136

Мифомания. / Евгений Головин: Книгократия; Москва; 2021

ISBN 978-5-6044454-3-3

Аннотация

Что такое миф? Какое место он занимает в жизни современного человека? Кто он, современный человек? Нужны ли ему (то есть нам) мифы? Исследуя природу мифа, пересказывая его по-своему, Евгений Головин приходит к выводу, что миф – самое сокровенное, что есть в человеке, свидетельство его уникальности, и только сохранив личный миф, можно противостоять диктату знания и охватившему мир информационному безумию.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

О магической географии	4
I. Человек и сакрум	6
О магической географии	6
Человек и его горизонт	17
Великий Пан	27
Алхимия и её эманации	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Головин

Мифомания

О магической географии

© ООО «Книгократия», 2021

© Евгений Головин, наследники, 2021

I. Человек и сакрум

О магической географии

В тёмном углу гавани Коринфа неторопливо гнил и разрушался заброшенный корабль «Арго». Каждый вечер Язон приходил посидеть возле него, вспоминая героическое плавание за «золотым руном». Ныне, оставленный богами, лишённый царства, покинутый ужасной Медеей, без детей, без друзей он угрюмо созерцал свою душу, где торжествовала та же гниль и разрушение. В конце концов он взобрался на форштевень и повесился. Но форштевень не выдержал тяжести, подломился и придавил его насмерть. Так бесславно погиб один из великих греческих героев.

Это трагический и загадочный миф. Мы знаем только имена героев-участников, перипетии плавания, возвращение из Колхиды в Грецию, деятельность колдуньи Медеи и прочее в таком роде. Но мы не знаем «то, ради чего». Что такое «золотое руно»? Шкура необыкновенного барана, высшая ценность, философский камень? Или магический раритет наподобие «кубка святого Грааля», что вечно ищут и не находят никогда, который даёт обладателю невероятные возможности? Даже в статуте ордена Золотого Руна, учреждённого герцогом Филиппом Бургундским в середине пятнадца-

того столетия, ничего не сказано о сути дела, кроме того, что это «тайна превыше всех тайн».

Даже плавание в Колхиду, несмотря на многочисленные опасности, вызывает недоумение. Слишком близкое расстояние, хорошо известная страна не объясняют ни тщательности постройки корабля, ни включения в экипаж самых знаменитых героев Эллады. Может быть, имеется в виду какая-нибудь другая «Колхида»? В стихотворении «Мираж в Сицилии» Джакомо Любрано, итальянского поэта семнадцатого века, сказано:

Заблудившись в неведомых океанах, закрученный
невиданным смерчем, “Арго” взял за весла новые
звезды.

Эти строки Любрано дают намёк на магическую географию, отличную от географии исторической. Последняя занимается догадками касательно когда-то существовавших материков, исчезнувших под влиянием тех или иных катаклизмов – Му, Лемурии, Гондваны, Атлантиды, Гипербореи и т. д. Магическая география основана на принципиально ином мировоззрении. Море и небо – однородные стихии, звезды – живые плавучие острова, неподвластные ни координации, ни каким-либо измерениям. Одно дело – бытие и совсем другое – стремление человека упорядочить бытие.

Царство Посейдона поистине бесконечно. Человеческое восприятие обусловлено замкнутым кругом – мореходные и астрономические приборы могут расширить радиус, но ни-

когда не изменяют изначальной парадигмы человека – центра и окружности. В любой деятельности мы должны наметить центр, а затем горизонт – вероятное прекращение центростремительной активности. Рождение и смерть точно такие же центр и горизонт. Они совершенно необъяснимы, а потому рассуждать о каком-то реальном познании полностью абсурдно. Любой вариант познания легитимен по-своему. Например, Эдгар По прочёл любопытный пассаж у географа Герхарда Меркатора:

Я познакомился с картами Меркатора, где океан обрушивается в четыре горловины северной полярной бездны и поглощается земным нутром. Полюс на этих картах представлен огромной чёрной скалой.

Аналогичные тексты легко отыскать у Афанасия Кирхера, Роберта Фладда и Джона Ди, если не двигаться далее шестнадцатого столетия.

Подобные тексты – отражения гимнов и прозаических фрагментов греческих и римских поэтов и мифологов. Есть места (Мальстрём в северном океане, Рамес в южном), где Океанос чудовищными водоворотами, минуя Аид, устремляется в бездонную пропасть Тартара. Последний случай описан в рассказе Эдгара По «Рукопись, найденная в бутылке». Немыслимый ураган близ острова Ява. Двое бедолаг на палубе агонизирующего корабля, волны – яростные пенящиеся хребты, фосфоресцентные бездны...

Мы были на дне такой бездны, когда отчаянный

крик моего спутника вонзился в кипящий кошмар ночи: “Смотрите, смотрите, Боже, что это!” Я поднял голову – по краю бездны расползлся угрюмый багровый свет, пятная тусклыми отблесками нашу палубу. Кровь заледенела: на ужасающей высоте прямо над нами, готовый вот-вот рухнуть в бездну, застыл гигантский корабль, не менее четырёх тысяч тонн...

Нарратор невероятным образом попадает на этот корабль старинной постройки, где бродят древние старцы, никого и ничего не замечающие, – люди экипажа в странной одежде давно минувших времён. И судно идёт, не замечая урагана. И вдруг:

Корабль внезапно восстал из моря, словно собираясь взлететь. О ужас сверх всякого ужаса! Лёд трещал и ломался и справа, и слева, и корабль ринулся вниз, по концентрическим кругам невероятной ширины амфитеатра, края которого пропадали в напряжённой тьме. Круги сужались, сжимались, нас неудержимо влекло в головокружительную глубь ревающего океана.

Беспощадная, затягивающая турбуленциями воды и свистящего ветра бездна.

Впадины и пропасти, указующие подобные гибельные водовороты, означены на картах, начертанных Джоном Келли и Джоном Ди во время их сеансов вызова ангелов в конце шестнадцатого столетия. Общая схема такова: под сравнительно малой поверхностью обитаемой земли медленно плавают Аид, размеры которого гораздо значительней; под

Аидом располагается Тартар – его размеры и глубины неисповедимы. Попадание в Аид не катастрофично, из него есть выходы на землю, некоторые герои посещали Аид, некоторые храбрецы покидали его. Но Аид – край ночи, матери земли, и начало Оркуса или Тартара. (Согласно Джордано Бруно, нижняя триграмма вселенной состоит из Хаоса – отца Оркуса, и Оркуса – отца Ночи.) Во всепоглощающей пропасти Оркуса, куда обрушиваются волны мирового Океаноса, кончается жизнь даже в самых её фантастических формах. Но до границ Оркуса (Тартара), на бесконечной поверхности Океаноса, биологические виды необычайно разнообразны. Нарратор рассказа «Рукопись, найденная в бутылке» попал в ситуацию сугубо трагическую. Если бы гигантский корабль прошёл по краю бездны, всё могло случиться иначе – его отнесло бы к островам Антарктиды и далее к материку Таласса. На упомянутых картах Джона Келли этот необъятный материк простирается за Антарктидой в полную неизвестность, поскольку никаких координат в мировом Океаносе нет.

Более того: по Келли и Ди на берегах Талассы кончается старая жизнь (в привычном значении слова) и начинается новая, следующая за «смертью» или, точнее говоря, за периодом глубокого обморока. Эдгар По несколько иначе трактует эту проблему. В «Сообщении Артура Гордона Пима» граница старой и новой жизни проходит недалеко от Антарктиды – судно А.Г. Пима вступает в инобытие после встречи с

кораблём мертвецов:

Никого не видно было на палубе, пока мы не приблизились на расстояние в четверть мили. Тогда показались трое моряков – голландцев, судя по платью. Двое лежали на кватердеке на старом парусе, а третий стоял у бушприта, наклонясь вперёд, и глядел на нас с любопытством. Крепкий, высокий, кожа очень тёмная. Он, казалось, призывал нас не терять бодрости, монотонно кивал и постоянно улыбался, обнажая ослепительные зубы. Его красный фланелевый берет неожиданно упал в воду, но моряк, не обратив внимания, продолжал кивать и улыбаться.

Пока А.Г. Пим и его спутники возносили хвалу за близкое спасение, с корабля пошёл ток чудовищной трупной вони. Чёрный бриг остался позади, только большая белая чайка взлетела с плеча моряка у бушприта – он кивал головой под ударами острого клюва птицы, пожиравшей мёртвую плоть.

После разных мытарств в пустынном океане, А.Г. Пима и его оставшегося в живых спутника Питера подбирает шхуна «Джен» под командой капитана Гая. Станный меланхоличный капитан и его молчаливые матросы словно бы нехотят, словно бы во сне совершают смутный южный рейс. Похоже, они утратили главные качества земной жизни – целесообразность собственного бытия, перспективу новых открытий, ожидание какого-либо будущего.

Похоже, им чужды элементарные человеческие желания. На вопросы А.Г. Пима касательно его происхождения и цели

экспедиции, капитан Гай отвечает раздражённо и невпопад. Однако, несмотря на стремление избежать объяснений, он неуклонно направляет шхуну к югу. Миновав обозначенные на картах острова принца Эдуарда, Крозе, Кергелена, шхуна пересекает антарктический круг, исчезая в медлительной неведомости, где иногда среди ледяных полей возникала причудливая фауна: белый медведь пятнадцати футов ростом с кроваво-красными глазами, грызун фута три длиной, покрытый совершенно белыми шелковистыми волосами, с когтями и зубами коралловой субстанции, пингвины, тающие в воде до костей и т. п.

Проблематичное инобытие проступает альбиносами, недвижимой тревожной тишиной, айсбергами, которые распадаются живыми, агрессивными кусками льда и набрасываются на тяжёлые низкие тучи, снегом цвета лепры и неестественными колоритами в туманном почти прозрачном веществе «земле-воды». В отличие от обычного относительного покоя, космические элементы здесь живут интенсивной жизнью. Капитан Гай в необозримой чуждости этих пространств перестаёт отмечать дни и координаты, ибо сомнамбулическая атмосфера всякий помысел и всякую инициативу растворяет в безразличие. Сие обнаруживается при встрече с дикарями – низкорослыми безобразными людьми с чёрными зубами. Капитан Гай не обращает на них внимания, потом неожиданно пропадает со шхуной и экипажем – будто все они перешли в другой сон. Артур Гордон Пим и его спутник

Питер остаются одни в ужасной ситуации. Им удаётся убежать от дикарей, но не от голода и жажды. Неожиданно они находят ручей весьма странного вида:

Жидкость струилась лениво и тягуче, словно в простую воду вылили гуммиарабик. Эта вода прозрачная, но не бесцветная, переливалась всеми оттенками пурпурного шелка. И вот почему: вода слоилась, словно распадаясь минеральными венами, и каждая фасета светила своим колоритом. Лезвие ножа наискось рассекало эти вены, но они тотчас стекались. Если же лезвие аккуратно скользило меж двух вен, они смыкались не сразу.

Это весьма точное описание редкостной алхимической субстанции, известной adeptам как «белый ртуть», хотя имён у неё предостаточно: «вода, которая не смачивает рук», «гумми мудрых мастеров», «наша Диана», «девственное серебро», «молоко девы» и т. д. Это *materiaprima*, женская субстанция в чистом виде, не затронутая действием формы. Она устраняет любые дефекты любой композиции и обладает многими удивительными свойствами.

Но странности чуждого пейзажа на этом не кончаются. А.Г. Пим и его спутник продвигаются в самое сердце Антарктиды:

Беспредельный водопад бесшумно ниспадал в море с какого-то далёкого горного хребта, тёмная завеса затянула весь южный горизонт. Беззвучие, угрюмая

тишина. Яркое сияние вздымалось из молочной глубины океана, сверху падал густой синий пепел, растворяясь в воде... Только ослепительность водопада проступала во тьме всё более плотной. Гигантские мертвенно-белые птицы врывались в густую тёмную завесу с криками “текели-ли”.

Нас неотвратно несло в бездну водопада. И тут на нашем пути восстала закутанная в саван человеческая фигура – её размеры намного превышали обычные, её кожа была белей всякой белизны.

Итак, согласно Эдгару По, Антарктида – страна смерти или инобытия: после встречи с кораблём мертвецов вояж А.Г. Пима сворачивает по направлению к закутанной в саван фигуре. Удивляет пассивность нарратора и других персонажей – они безвольно плывут неизвестно куда, бесстрастно отмечая любопытные, даже ошеломительные частности новой страны. Похоже, люди вовсе не являются героями в драме белизны. Диапазон белизны расширяется от жизни к смерти, от белого, таящего любые цвета, до абсолютной стерильности ледяных торосов, от блистающего снега до проблематичной синевы пепла и лепроидных ядовитых грибов, от бледных, ломких от холода змей до мертвенно-белых птиц...

Но для магической географии, строго рассуждая, не существует жизни и смерти как полярно противоположных понятий. Убывание биологической активности за сороковым градусом южной широты свидетельствует только о возрастании

инобытия. Концепция единого Бога лишена всякого смысла в бесконечности Океаноса, вернее, подобная концепция ведёт к тотальному пессимизму и негативному первоединому:

Я искал Божье Око и увидел
Орбиту чёрную и бездонную,
Там излучалась ночь,
постоянно концентрируясь.
Странная радуга окружала этот провал
В Древний Хаос, эту спираль,
Пожирающую Миры и Дни.

В этих строках французского поэта Жерара де Нерваля чувствуется дыхание абсолютного божества – смерти, абсолютного ноля. «Жизнь – только изъян в кристалле небытия» (Поль Валери). Вместо бурной духовной экспансии – равномерное материальное сжатие, беспощадная абсорбция, вместо избытка – лишённость, вместо расточения – беспрерывная консумация. Ночь излучается, дабы сжать, захватить, концентрировать, уничтожить всё более скудные проблески света и жизни, которая постепенно превращается в жалкую пародию на саму себя.

* * *

Мы начали с печальной судьбы корабля «Арго» и загадочности «золотого руна». Разнообразные гипотезы не выдер-

живают критики. Да и надо ли разгадывать эту загадку? Решение одной тайны порождает массу других тайн. Вечная неизвестность будит вечный искус, вечную энергию. В магической географии, как и в алхимии, неизвестное озаряется более неизвестным.

Человек и его горизонт

Привыкнуть можно к вещам знакомым, без которых нельзя обойтись или потеря которых оставляет крайне-досадливое ощущение в душе. Неприятно увидеть за своим письменным столом незнакомый стул, неприятно, когда на колени вспрыгивает годами знакомый кот и *что-то*, в знакомой, весомой тяжести, в характерном болезненном царапанье оставляет ощущение неуловимой чуждости и даже скрытности. Даже если это нелюбимый кот, в его *нелюбимости* ощущается нечто привычное. Можно носить лет двадцать один и тот же пиджак, чувствуя его либо талисманом, либо дорогим родственником, либо «магическим помощником». Примеров такого рода – тьма, да и непредставимо, чтоб их не было. Даже у первобытного человека нашлись бы любимый лук, любимое копье, любимый камень. Очень часто пристрастия, любимые звери, травы, цветы, запахи, аккорды, переливы любимых мехов и материй говорят о человеке больше, нежели черты лица, характерные интонации или манера смеяться.

Аналогично следует сказать о неприязни, антипатии и даже аверсиях по отношению к очень многим вещам, зачистую совершенно необъяснимых. Однажды прохожий швырнул комком грязи в лицо красивой женщины, не обернулся и вообще никак не среагировал на её возмущённое поведение;

в другой раз пожилой мужчина одышливо гнался за пуделем, что резвился на морском берегу. Он гнался, насколько позволяла ему комплекция, гнался отнюдь не из желания позабавиться, а просто и откровенно убить. Такие казусы любят объяснять психологи, но их объяснения тяготеют к простодушным, либо терминологически слишком запутанным толкованиям. Вообще, психологи и философы любят ограждать себя и других вербальным барьером – создаётся впечатление, что мир и есть этот барьер, до предела запутывающий реальность. И что такое реальность?

Это огромные металлургические заводы, где царит постоянный грохот; автомобильные свалки, где гидравлические прессы меняют иногда один хаотический интерьер на ещё более хаотический; гигантские шахты, глубина которых неизмерима; чудовищные динамические артерии, тянущиеся на десятки и сотни километров на земле и под землёй и на тысячи километров над землёй; гигантские песчаные и каменные карьеры – и над всем этим необозримая паутина электропроводов. Это беглый набросок реальности, вернее, технической цивилизации.

Всё это создано много за двести лет поколениями наших предков. Поразительно, если учесть сколько среди них было лентяев, пьяниц, безумцев, воинов, мечтателей, фантастов, священников. Поразительно, если всё это можно объяснить ненасытным любопытством учёных, энтузиазмом инженеров, неустанной деловитостью рабочих масс. Да и что всё

это такое? Ведёт ли все это к материальному и моральному улучшению жизни, к подъёму искусства, к новому аспекту человеческих отношений? Нет. Люди не изменились ни физически, ни эстетически, ни морально. Более того: произошла странная подмена ценностей: творческая культура сменилась интерпретаторской, раздробившись на десятки направлений; религия уступила место слюнвятому гуманизму; призывы к лучшей жизни обернулись демагогией с юмористическим оттенком и т. д. и т. п. Простой труд и простые занятия забыты. Только когда функционер у себя на даче рубит деревья, пилит дрова, вставляет стекла или ходит за коровой, на его лице мелькает самодовольная усмешка типа «знай наших», или «есть ещё порох в пороховнице», усмешка, которая моментально вытягивается при звонке мобильного телефона.

Нелепо говорить, что мир – один. Он таков, условно говоря, для историка или географа, «условно», потому что для тех и других в принципе существуют параллельные миры. Да и то, вряд ли найдётся проблема, едино решаемая двумя историками или географами. Первый будет всю жизнь оспаривать существование Трои, второй никогда не поверит в наличие «окапи» (некто среднее между антилопой и оленем). Даже специалисты в одной области редко сойдутся во мнениях.

И потом. Для широко видящих «гуманитариев» найдётся немало загадок, куда не кинь взгляд: это не только пре-

словутое «взошёл ли Парис на ложе Елены», а например: существовала Атлантида или нет, почему Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, а Веллингтон больше не выиграл ни одного значительного сражения и прочее. Из этого «и прочего», в сущности, и состоит содержание истории. Похоже, и будет состоять.

Но такова задача каждого будущего поколения, ибо каждый знает, что история, независимо от близости или дальности события, собирается из неразрешимых проблем. Одержимый находкой очередного документа, юноша экстатично сообщает о новизне того или иного казуса, но... постепенно глаза темнеют, волосы седеют: либо грызут собственные сомнения, либо *кто-то* нашёл ещё один документ, рукопись, словом, *ключик* к завлекательной проблеме. И так без конца.

События, свершения, катастрофы, успехи таковыми не являются. Подобно калейдоскопу, комбинация каждый раз иная. Но в отличие от механической игрушки, при каждом обращении появляется новый элемент, путающий с трудом найденные закономерности. Так, между «или – или», «да и нет», «то, да не совсем то», «если пренебречь условностями», «предположим, что», и прочей боязливой амбивалентностью проходит наша жизнь. Её нельзя назвать жизнью в смысле жизнеутверждения реалистов, напротив. Последнее – нечто мягкое, уверенное и тёплое, подобное норе бурундука, и многие стремятся к такой норе, но если есть голова на плечах, любой человек в той или иной мере становится

мифоманом.

Это означает: понятие *реальности* отвергается вообще – сказать «более или менее реально» нельзя, поскольку «реальность», как имя существительное, где-то утверждается, хотя бы в непостижимой, наидалекой дали, хотя бы в конфигурации прихотливых облаков – правда большинство предпочитает нечто более осязательное. Но когда говорят «привиделось», «послышалось», «почудилось», то утверждают справедливо, ибо подобное единственно правильно. Когда живописец навязывает своё чувство прекрасного постороннему глазу, он несколько не трансформирует пейзаж, а просто экстраполирует своё впечатление. Он придаёт максимум экспрессии; изображая «голову Крестителя» или «Кораблекрушение среди айсбергов», он акцентирует события среди других, считая, что это важнее автомобильной аварии, хотя для многих последняя куда важнее первых.

Итак: каждый человек – мифоман и окружён горизонтом своей мифомании. Это естественно – каждый человек окружён своим собственным миром. Только он настолько привык делить его с другими, участвовать в жизни других, что считает этот мир – общим. Более того, он считает, что каждый ощущает его общим, что боль или радость жителя Конго в какой-то мере относится ко всем. Да, каждый видит определённое своеобразие в вещах, но в общем и целом все видят небрежно одинаково – никто не примет автобус за зубную щётку, а сосну за вишню. Здесь центральный нерв на-

шего рассуждения. Сумасшедший или дикарь ещё могут перепутать автобус с телегой, но нормальный человек никогда не спутает самолёт с детской коляской. Никогда не видя леса, он может собирать яблоки с берёзы, но лёгкое указание исправит его от будущей ошибки. Удивительно: люди будут яростно спорить о форме колеса или прочности моста, но им в голову не придёт, почему, скажем, за лесом следует степь, а за степью море, или почему эвкалипт гладкий и стройный, а чертополох терпеть не может ночных бабочек.

Конечно, ботаник объяснит нам про чертополох, но в его объяснении всегда останется диссонанс, привкус неудовлетворённости. Чтобы *понять*, надо не только понять всеми пятью чувствами, но и почувствовать то, что не дано: враждебную среду, которую создают чертополох и ночная бабочка. У этой среды нет законов, она естественна, как водяная лилия или морской змей. Но почему лилия и морской змей? Один единственный вопрос рождает неизмеримость вопросов. Или, к примеру, почему ёж покрыт колючками? Неужели только для самозащиты? Маловероятно. Быть может, его колючки составляют множество антенн для немыслимого восприятия внешнего мира? Но *как* он его воспринимает? Вопросы и вопросы. Бесплезные, нелепые, неизбежные. Итак, люди делятся на *мифоманов* и энтузиастов. Первые разводят руками и в ответ на всё произносят загадочные слова: «бог», «природа». Другие скорее для красного словца щеголяют этими высокими понятиями. Они верят в мно-

гочуждое – не жалея трудов, сие многочуждое необходимо изучить, освоить, употребить на пользу своих ближних. Не ближних вообще – среди них попадаются крайне неприятные субъекты, а ради людей, ради спорного понятия *человечества*. Потому что *мифоманы* ценят далёкое прошлое вообще и собственное прошлое в частности. Они с одинаковым интересом рассматривают фотографии древних храмов и своих старинных предков. Люди прошлого интересуют их не как «трудовые единицы», но своим колоритным своеобразием. Инженер изучает фотографию нового трактора с точки зрения дальнейших усовершенствований, которые можно и нужно внести в данную машину, весьма поверхностно взглянув на конструктора. Люди его мало интересуют, потому что за ними – прошлое, а за машинами – будущее. Причём любопытно: если каких-нибудь несколько десятилетий назад изобретателям не отказывали в определённой «гениальности», то сейчас просто «уважают» способного техника, умелого рабочего, «мыслящего» инженера. Слово «гениальный» ныне относится к умершему, пока довольно короткая память о нём ещё жива. Главное сейчас – многообещающая конструкция, а не талантливые люди, которые всегда найдутся – не здесь, так в Китае, не в Китае, так на Соломоновых островах.

Нет, речь сейчас идёт не о «повзрослевшем», а о новом «человечестве». Интересно, что люди новой формации не отличаются ни проницательностью, ни дальновидностью.

Грандиозные планы постоянно требуют всё новых ресурсов, а где их взять? Внутренности планеты истощаются, пополнить их нечем. Очень проблематично, чтобы Луна, Марс, Венера, знакомство с которыми более чем приблизительно, услужливо предложили свои «энергоресурсы». И такого рода вопросы волнуют больше *мифоманов*, озабоченных пропажей и разрушением великих памятников древности, или гуманистов, дрожащих над судьбой рода человеческого, но вовсе не энтузиастов. Последние полагают: случаются энергетические кризисы, но, в конце концов, находится выход из положения, а потому надо работать дальше – изобретать, умножать, преобразовывать. Их закон – бесконечность, не терпит ни малейшей остановки на непрерывном пути, как ступальная лестница в Англии (вид наказания в восемнадцатом веке) не давала остановиться каторжнику во избежание жестоких травм.

Это крайне антигуманное (в старом смысле слова) отношение к людям неизбежно расцветает в нашу эпоху. Вот к чему привела бесконечная жажда знания и реализация этих знаний.

Энтузиастов насыщает бесконечность, *мифоманов* – ограниченность горизонта. Каждый человек окружён изначально кругом собственной мудрости – жалкой или изобильной – неважно. Всё остальное – случайные либо благоприобретённые знания. Они увеличиваются, уменьшаются, забываются, уплотняются, но так или иначе высыхают, отпадают, их от-

брасывают за ненадобностью – в любом случае они не прививаются к живому организму индивидуальной человеческой жизни. У хорошего вора отмычка сама знает свои проблемы – рука управляет ею бессознательно, едва заметными движениями, её не надо «изучать», в отличие от сложного сейфового ключа. Такую же сноровку нищий демонстрирует на свалке – беглого взгляда достаточно, чтобы оценить достоинства и дефекты этого... конгломерата. Любитель живописи, услышав характерный треск падающего дерева, сразу чувствует гулкую объёмность и шумное дыхание *масштабности* лесной чащи так же как поэт ощущает качество стихотворения, ещё не приступая к сочинению.

Мифоманы не верят и не понимают выученного, освоенного знания, которое можно забывать, совершенствовать, учить по книгам, проверять по лекциям. Его можно потерять, как перочинный нож или рюкзак. Человек должен владеть своим знанием как рукой или ногой, оно должно быть присуще ему как улыбка или цвет волос. Как только он начинает разбрасываться в *поисках*, он теряет свою уникальность, обретая незнакомые черты на минуту привлекательного, но в принципе чуждого субъекта. «Пусть я нищий, – сказал французский поэт Поль Валери, – но я король над своими обезьянами и попугаями».

Похоже, эпоха *мифомании* прошла окончательно, оставив несколько элементарных *хобби* и увлечений людям, озабоченным препровождением досуга. Это касается *примитивов*

(в широком смысле), людей, наделённых умелыми руками и особым вниманием, для которых нет пустяков и вещей, отброшенных за ненадобностью, людей, не склонных к тщеславию и привязанных к молчаливому незаметному труду.

У них нет мировоззрения в современном смысле, нет представления о вселенной в современном смысле, нет понятий о времени и пространстве опять же в современном смысле. Солнце, луна и звезды близки им до прикосновения руки, до мягкой шелковистости зверя, до задушевности дружеской беседы у костра.

Зачем этим случайно выжившим изгоем непрерывная книжная учёба и бесконечный поиск энтузиастов?

Великий Пан

Кто-то падает с верхушки клёна, шумно прорезая красную листву, потом размашисто и широко отряхивается, малиновым ручьём пропадает среди корявых корней: в воде мелькают золотые нити, туда-сюда снуют зелёные иглы – бог Пан просыпается после полуденного сна. Ему необязательно спать на древесной вершине, он любит отдыхать в прохладных гротах, но часто его одолевают повелительные прихоти. Рыжебородый, весь покрытый шерстистой рыжизной, с рельефной складкой на лбу к переносью, он любит венчать малозаметные рожки большой еловой веткой. Такова зверино-человеческая ипостась Пана – бога дикой природы и одиночества. Жестокость или милосердие равно чужды ему, хотя он вполне способен к этим страстям. Он любит пустоши, дикие дебри, покинутые речные или морские берега, может днями и ночами блуждать по таким местам, ненавидит города, возделанные поля, словом, следы человеческой деятельности. «Панический страх» возбуждается независимо от него – просто он не любит, когда тревожат его послеполуденный сон или охоту. Пан знаменит сексуальной страстью к нимфам, хотя успех или неудача не нарушают его божественного спокойствия.

Это прекрасно передал Стефан Малларме в исключительной красивой поэме «Послеполуденный отдых фавна». По-

тревоженный укусом или царапиной, Пан смутно вспоминает двух нимф, которые играли поблизости, а затем пропали в реке. Он вспоминает неточно – ему вообще чужда точность, – но силуэты нимф не покидают воображения. Он берет флейту, пытаясь рассеять воспоминание в музыкальных вариациях. Тут ему приходит в голову, что богиня Венера любит в это время гулять по склонам Этны, оставляя на пылающей лаве следы своих божественных пяток. Вот бы настигнуть богиню! Флейта выскальзывает из пальцев, веки смыкаются, слышно бормотанье о поиске нимф во сне...

Наравне с нимфами Пан любит музыку. Перед ним преклоняются пастухи и рыбаки – в благодарность он обучил их игре на разных дудках и свистульках, чтобы собирать стада и приманивать рыбу. Его собственная флейта «сиринга» появилась весьма любопытно: он преследовал нимфу Сиринкс, которая, испуганная его диким и неказистым видом, превратилась в тростник – впоследствии искусные руки бога смастерили флейту из этого тростника. С этим связана высшая ипостась Пана – согласно поэту Феокриту. Будучи одним из богов-творцов, он, по ладам своей флейты-сиринги, установил гармонию сфер и придал звёздам совершенное движение. Он поделил мир на неживой и живой и одарил последний *восприятием*, то есть благодаря Пану мы видим, слышим, осязаем. В его власти ослепить и оглушить нас, лишить разума и заставить сколь угодно долго блуждать в лабиринтах и чашобах собственных иллюзий. По орфической тео-

логии он – Фанес – создатель фантазии («фанетии»), участник хаотической игры миров и пастух звёздных хороводов. Посему он редко посещает Олимп, где боги любят весело потешаться над его гениталиями и неиссякаемой фаллической силой. Но он всегда на стороне богов. Например, участвовал в титаномахии, распугивая титанов рёвом огромной морской раковины. Но иногда он бросает раковину, забывает про весла и парус, мечтает и засыпает. Море сразу затихает, Пан спит, не заботясь, куда пристанет его судёнышко.

Когда исчезла Деметра в тщетных поисках своей утраченной дочери Прозерпины, Зевс повелел во что бы то ни стало отыскать её – в противном случае грозило бы несчастье из-за путаницы распорядка сезонов. Нашёл её никто иной как Пан, отлично знающий её заповедные места.

У него все основания превосходно знать её – богиню пограничья, хотя он и не может любить её. Пан – бог дикого плодородия, Деметра – богиня обработанных земель, способствует «культурному освоению пространства»: ведь мало одарить людей оливками или виноградом, надо научить их осваивать. Мало наловить зверей, надо их приручить. Но Пан знает: возделанная земля довольно скоро придёт в упадок, и нет ничего легче, как разогнать с трудом собранное стадо или навести ужас на землепашцев. Пан не очень-то умён даже с человеческой точки зрения, такие понятия как «труд», «свобода», «необходимость» ему абсолютно чужды. В поэме Стефана Малларме он высасывает сок из виногра-

дин, надувает пустые ягоды и часами смотрит сквозь них на солнце. Вообще он никого не осуждает и не презирает, хотя и не понимает, зачем работать пропитания ради – ведь в лесах и реках так легко раздобыть плодов, дичины и рыбы. Поэтому не любят работники явления Пана – игрой на свирели он заставляет петь, плясать и кривляться весь «рабочий день». Пан равнодушен к людям. В отличие от Аполлона и Диониса, он – прорицатель и врачеватель – редко пользуется этими дарами. Бога, более чуждого людям, вообще трудно найти. Равным образом, его не волнует стремление к порядку Аполлона и неистовые страсти Диониса. Когда Аполлон после музыкального состязания содрал кожу с Марсия, Пан, как ни в чём не бывало, продолжал преследовать нимфу. Когда прилежные дочери Миния неустанно трудились на ткацких станках и ухаживали за детьми, пренебрегая празднеством Диониса, станки вдруг обвили виноградными лозами, с потолка и стен стали сочиться молоко и мёд. Объятые безумием женщины поубивали собственных детей и съели одного из них. Проходящий мимо Пан не обратил на эту сцену ни малейшего внимания. Когда царь Пентей из любопытства подглядывал оргию менад, обезумевшие вакханки, среди которых была его мать, растерзали его в клочья: мать отрезала ему голову, приняв сына за молодого льва, и повелела прибить к стене дворца. Неподальёку Пан продолжал играть на свирели.

Это нисколько не говорит о его жестокости или любви

к кровавым зрелищам. Он охотно вылечит дерево, ягнёнка или косулю, предотвратит падение скалы или лесной пожар.

У Пана нет воспоминаний, нет ни малейшего представления о памяти. Здесь он похож на музу Мнемозину. Когда она жила среди титанов вечно повторяющейся жизнью, напоминающей постоянный круговорот Океаноса, ей были присущи *запоминания*. Став женой Зевса, она обрела *мусическую память*, где повторяемость события не играет роли, где важна только неожиданность события. Пан родился уродливым и сильным, без всякого сыновнего чувства. Мать испугалась его внешности, он накинулся на неё как на женщину. Фаллическому богу не нужны родственные связи, он живёт энергией преследования и минутой обладания, причём в случае неудачи забывает и о том и о другом. Фаллическое начало не беспокоит его, поскольку он и есть это начало. Притом ему чуждо чувство собственности. При первых звуках музыки – пусть это будет даже плеск воды или треск упавшего дерева – он погружается в глубокую мечтательность, забывая об охоте или преследовании нимф. Последние побаиваются его уродства и необузданных страстей, однако он неотступно притягивает их своей свирелью и любовью к пляскам и хороводам – изобретательным и весёлым. Пан известен своей незлобностью и добродушием, Знаменит только один пример его мстительности. Римские воины (это было во времена императора Диоклетиана) поймали фавна и привезли в клетке в Рим. Вскоре фавн умер от тоски. Напрасно Диоклетиан умо-

лял бога и приносил жертвы – Рим подвергся пожарам и разрушениям. Пан не только не любил людей, но и был предан своему племени, особенно нимфам и фавнам.

Пан признавал *зоо*, а не *био* (культивированная жизнь). И если довольно равнодушно относился к земледелию и строительству городов, то не обращал внимания на уничтожение пустошей и вырубку леса, считая сие прихотью презренных людей. Сам он жил в Аркадии и, не имея, разумеется, никакого представления о географии, представлял бесконечной эту маленькую область. Дикие растения и плоды, охота и нимфы занимали всё его время, в процессе своих во-яжей он, сам того не зная, совершал маленькие или большие круги, потому-то Аркадия и казалась ему бескрайней. Границей своих владений он считал возделанные земли, но без постоянной обработки они довольно быстро приходили в упадок, завоёванные дикой природой. Буйные непроходимые заросли, луга, заросшие пёстрыми цветами, топи, покрытые осокой и кувшинками, всё непроходимое, необъятное, неуёмное, недоступное никакой обработке, чащобы, провальные овраги, мрачные лесные пещеры, всё это, дышащее неукротимой, первобытной мощью, Пан считал своим владением. Поэтому, когда по греческим берегам пронёсся вопль: «Умер великий Пан», жители сокрушались о конце древнего мира.

Радовались только христиане. Для них козлоногий и рогатый бог, сладострастный ненавистник семьи и домашнего

очага, презиравший любую работу, стал воплощением дьявола. Присные его – фавны и нимфы – бесовщиной низшего разряда, указующие человеку путь к гибели.

Алхимия и её эманации

Вполне в стиле традиционализма двадцатого века Титус Буркхардт склонен считать алхимию одной из эманаций Духа, её адептов – миссионерами, что передают знание через поколения ученикам и неопитам. Стало быть закат алхимии (магии, астрологии, спагирии) объясняется двояко: либо творческая энергия Единого (Абсолюта, Бога) истощилась, либо цивилизация отпала от Света и погрузилась в хаос и ночь Иного.

Концепция *tradition primordial* (первичной традиции) страдает ригоризмом, схематизмом и нетерпимостью, свойственной монотеистам: кто не с нами, тот против нас. Никакой самодеятельности, никакой индивидуальной интерпретации. Рене Генон и его единомышленники расценивают мастеров прошлого как хороших или плохих «отражателей» нездешнего Света. Отсюда похвалы Данте, святому Бернарду, Мухиддину ибн Араби и довольно кислое отношение к Лейбницу, Гегелю, Бергсону. В монотеизме вообще, в алхимии в частности, крайне важна роль молитвы, божественного соучастия и наития. Гораздо менее важны личные таланты оператора. Кроме терпения и сосредоточенности, хорошо культивировать презрение к почестям и богатству, любовь и милосердие, что акцентировано в истории Николая Фламелья.

Будучи ориенталистом, Титус Буркхардт направил свой текст в сторону исламского эзотеризма и арабской алхимии. Посему нет смысла дополнительно разъяснять очень ясные пассажи автора. На наш взгляд, гораздо желательней дать представление о других направлениях «*gayu scyenza*», весёлой науки, иначе называемой «королевским искусством».

После вторжения в XII–XIV веках латинских переводов из Ябира ибн Хайана, Аль Рази и других арабов, европейская «герметика» заменилась словом «алхимия», надолго смешалась с химией и фармацевтикой, усвоила методы лабораторной работы, увлеклась техникой «выделки» драгоценных камней и металлов, дистилляцией эликсиров долголетия и бессмертия. От герметики в собственном смысле, то есть от проблемы гермафродита, освобождения мужского начала от страшного женского плена (Одиссей у Калипсо и Цирцеи), subtilной телесности души, завоевания золотого руна и яблок Гесперид остались смутные воспоминания и мифологический материал для неудачных или более или менее удачных сравнений и метафор.

Для язычников эйдос и материя, форма и субстанция не были абстрагированы друг от друга. Язычество признавало лишь одну двойственность, несводимую к единству – женское и мужское. Платон для обоснования андрогина привлёк трансцендентальное Единство, ибо иначе нельзя ввести понятия симметрии и равенства полов. Поэтому необходимо различать платонова андрогина и языческого герма-

фродита. В стихии земли, в сфере подлунного мира женщина безусловно доминирует. Женщина – основа, фон, *natura naturata*, фанетия, *materia prima*, что рождает и пестует своих сыновей, натравливает их друг на друга, затем рождает иных. Судьба мужчины предопределена, пенис постоянно возбуждён великой матерью, возраст значения не имеет. Номинальные дед, отец, сын в борьбе за её благосклонность норовят кастрировать и уничтожить друг друга.

Однако отрезанные гениталии только интенсифицируют любовную страсть. Великие земные матери хотят от мужчин полной покорности. Для этого существуют мистерии ритуальной кастрации – культы Деметры, Кибелы, Милитты, где мужчин превращают в женщин.

И поскольку сильные самцы необходимы для жизненной динамики, избранных мужчин посвящают Приапу. Это мужская ипостась женщины или фаллос великой матери. Такие мужчины не бегают за женщинами, но ждут, когда женщины придут сами.

Согласно языческой герметике, автономия мужчины связана с выходом из стихии земли в сферу акватическую – Океанос.

Знаменитый античник девятнадцатого века Иоганн Якоб Бахофен считает главным *событием* греческой космогонии – восстание огня, воздуха, воды против диктатуры матери земли. В результате Уран или насыщенный светом воздух противопоставился земле и ночи в виде ясного дня. Перипе-

тии мифа кровавы и трагичны, ибо гигантомахия началась с самого начала. Кронос, послушный сын Геи, отрезал у отца фаллос. Это первый эпизод извечной борьбы носителя пениса – сына и раба матери – с фаллическим *оппозиционером*. От фаллоса Урана, поглощённого Океаносом, родилась новая великая мать – Афродита Ураниос.

Здесь необходимо кое-что пояснить. Титус Буркхардт традиционно излагает пассажи из книги Аристотеля «Физика» относительно первичных стихий (земля, вода, воздух, огонь) и качеств (сухое, холодное, влажное, горячее). Следует добавить: в каждой стихии явно или латентно содержатся три остальных, ибо «изолированная» земля или вода возможна лишь теоретически. Четыре стихии образуют четыре более или менее автономных вселенных с доминацией соответственно: земли, воды, воздуха, огня. Наш, земной мир тяготеет к стабильности, инерции, неподвижности нашей доминанты – стихии земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.